

П.А. Кропоткин

**Современная наука и
анархизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П.А. Кропоткин**
Современная наука и анархизм / П.А. Кропоткин – М.: Книга по Требованию,
2013. – 91 с.

ISBN 978-5-458-54783-3

ISBN 978-5-458-54783-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

обрѣлъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми воспользовался при своихъ работахъ въ сотрудничествѣ съ Элизе Реклю. Побывалъ онъ также въ Китаѣ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ избранъ членомъ, а потомъ—секретаремъ Географическаго общества, написалъ нѣсколько сочиненій, высоко оцѣненныхъ людьми науки, и, наконецъ, началъ большую работу о финляндскихъ ледникахъ, которую, по ходатайству Географическаго общества, ему позволено было окончить въ крѣпости. Не имѣя возможности совершенно избѣгнуть службы при дворѣ, онъ былъ зачисленъ камеръ-пажемъ императрицы и получилъ нѣсколько орденовъ.

«Въ 1871 г. или въ началѣ 1872 г. Кропоткинъ отправился за границу. Онъ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, гдѣ «Интернаціональ» достигъ въ то время высшей степени своего могущества.

«Тутъ его міровоззрѣніе, бывшее всегда очень радикальнымъ, получило окончательную формулировку. Онъ примкнулъ къ «Интернаціоналу», принявши идеи его крайней, такъ называемой анархической, фракціи, горячимъ защитникомъ которыхъ онъ остался навсегда.

«По возвращеніи на родину Кропоткинъ вошелъ въ сношенія съ кружкомъ Чайковцевъ, проникнутыхъ тѣми же идеями, и въ 1872 г. былъ предложенъ и принятъ единодушно въ его члены.

«Ему было поручено выработать программу партіи и планъ организаціи. Документы эти найдены были впослѣдствіи между его бумагами. Зимой 1872 г. онъ началъ читать—разумѣется, тайнымъ образомъ—лекціи по исторіи «Интернаціонала», бывшія просто развитіемъ принциповъ революціоннаго социализма на основаніи народныхъ движеній новѣйшаго

времени. Эти лекціи соединяли съ серьезной мыслью необходимую ясность и простоту изложенія. Рабочіе Александро-Невской части слушали ихъ съ величайшимъ интересомъ. Понятно, объ этихъ лекціяхъ пошли разговоры по сосѣднимъ мастерскимъ. Вскорѣ слухи о нихъ достигли и до полиціи, которая рѣшила во что бы то ни стало разыскать пресловутаго Бородина (подъ этой фамиліей Кропоткинъ былъ извѣстенъ своимъ слушателямъ). Однако долгое время ея старанія оказывались тщетными.

«Лекціи были кончены, и Кропоткинъ вовсе не показывался въ домѣ, за которымъ слѣдили, готовясь отправиться «въ народъ», подъ видомъ странствующаго «богомаза», т.-е. иконописца.

«Жандармамъ удалось, однако, подкупить одного изъ рабочихъ, который сталъ шататься день за днемъ по всѣмъ большимъ улицамъ Петербурга, надѣясь рано или поздно столкнуться гдѣ-нибудь съ Бородинымъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ повстрѣчалъ Кропоткина въ Гостиномъ дворѣ и указалъ на него полиціи. Кропоткинъ былъ арестованъ. Вначалѣ онъ отказывался сообщить свое настоящее имя, но долго скрывать его было невозможно. Черезъ нѣсколько времени хозяйка дома, въ которомъ онъ нанималъ комнату, заявила полиціи, что одинъ изъ ея жильцовъ, князь Петръ Кропоткинъ, въ такой-то день исчезъ. На очной ставкѣ съ Бородинымъ она признала въ немъ своего жильца, и Кропоткину ничего не осталось, какъ подтвердить ея показаніе.

«Великъ былъ переполохъ, произведенный при дворѣ извѣстіемъ объ арестѣ такой важной особы. Самъ царь долго не могъ забыть объ этомъ.

«Цѣлыхъ три года Кропоткинъ просидѣлъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 г. по распоряженію доктора онъ былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь, такъ какъ тюрьма настолько подорвала его здоровье, что онъ не могъ ни ѣсть, ни двигаться.

«Въ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, онъ совершенно поправился, но дѣлалъ все, что могъ, чтобы скрыть это. Онъ еле передвигалъ погами, говорилъ глухимъ голосомъ, точно вотъ-вотъ отдастъ Богу душу. Дѣло въ томъ, что изъ письма, переданнаго его друзьями, Кропоткинъ узналъ, что готовилась попытка устроить ему побѣгъ, а такъ какъ надзоръ въ госпиталѣ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ крѣпости, то для него было очень важно остаться тамъ по возможности дольше.

«Въ іюлѣ 1876 г. побѣгъ былъ удачно совершонъ, по плану, придуманному самимъ Кропоткинымъ.

«Нѣсколько недѣль спустя Кропоткинъ былъ уже за границей.

«Съ этой поры начинается для него настоящая революціонная дѣятельность. Хотя она не связана собственнo съ русскимъ движеніемъ, будучи посвящена исключительно западно-европейскому социализму, тѣмъ не менѣе является, быть можетъ, единственной почвой, на которой могли обнаружиться въ настоящемъ свѣтѣ его замѣчательныя политическія дарованія.

«Кропоткинъ рожденъ для дѣятельности на широкомъ поприщѣ, а не въ подпольныхъ сферахъ тайныхъ обществъ. У него нѣтъ той гибкости и умѣнія приспособляться къ условіямъ момента и требованіямъ практической жизни, которыя такъ необходимы заговорщику.

«Онъ — страстный искатель истины, умственный вождь, а не человѣкъ дѣйствія. Онъ стремится къ торжеству извѣстныхъ идей, а не къ достиженію какой-нибудь практической цѣли, пользуясь тѣмъ, что имѣется подъ рукой. Въ убѣжденіяхъ своихъ онъ непреклоненъ и исключителенъ.

«Онъ не допускаетъ ни малѣйшаго уклоненія отъ ультра-анархической программы и потому никогда не находитъ возможнымъ сотрудничать въ какомъ бы то ни было русскомъ революціонномъ журналѣ, какъ изъ издававшихся въ тайныхъ типографіяхъ, такъ и заграничныхъ. Всегда отыскивался какой-нибудь пунктъ, съ которымъ онъ не могъ согласиться. Люди съ такимъ преобладаніемъ теоріи рѣдко становятся вожаками партій, дѣятельность которыхъ основана на заговорѣ.

«Заговоръ въ широкомъ революціонномъ движеніи — это то же, что партизанство въ обыкновенной войнѣ. Людей не много, и потому нужно умѣть извлекать изъ нихъ все возможное; почва для дѣятельности ограничена, а потому необходимо умѣть приспособляться къ ней; и хорошій партизанъ всегда долженъ умѣть воспользоваться и людьми и минутными обстоятельствами. Для Кропоткина же естественной стихіей является война настоящая, большая, а не маленькая, партизанская. Это — одинъ изъ тѣхъ людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ становятся основателями широкихъ общественныхъ движеній.

«Онъ — замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительною рѣчью, онъ весь превращается въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ

возбуждается при видѣ слушающей его толпы. Тутъ онъ совершенно преображается.

«Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокаго, искренняго убѣжденія чело-вѣка, который вкладываетъ всю свою душу въ то, что говоритъ. Рѣчи его производятъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которое сообщается другимъ и электризуетъ слушателей. Когда по окончаніи рѣчи, блѣдный и взволнованный, Кропоткинъ сходитъ съ трибуны, вся зала гремитъ рукоплесканіями.

«Онъ—блестящій спорщикъ, и тягаться съ нимъ тутъ очень трудно. Будучи прекрасно знакомъ съ исторіей, особенно со всѣмъ, что касается народныхъ движеній, онъ искусно пользуется богатымъ запасомъ знаній и для подкрѣпленія своихъ мыслей—оригинальными и неожиданными примѣрами и аналогіями, что сильно способствуетъ убѣдительности и ясности его доводовъ.

«Онъ—превосходный публицистъ, горячій, остроумный, задорный.

«Даже въ своихъ сочиненіяхъ онъ остается агитаторомъ.

«Кропоткинъ—одинъ изъ самыхъ искреннихъ и прямодушныхъ людей, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать. Онъ всегда говоритъ правду въ глаза, со всей деликатностью добраго и мягкаго чело-вѣка, но безъ малѣйшаго снисхожденія къ мелкому самолюбію слушателя.

«Это безусловное прямодушіе—самая разительная и симпатичная черта его характера.

«Вы смѣло можете полагаться на каждое его слово. Искренность его такова, что, когда въ пылу спора

ему вдругъ приходитъ въ голову какое-нибудь совершенно новое соображеніе, заставляющее его задуматься, онъ немедленно умолкаетъ, остается нѣсколько мгновеній погруженнымъ въ себя, затѣмъ начинаетъ думать вслухъ, какъ будто становясь па точку зрѣнія противника. Въ другихъ случаяхъ онъ мысленно перебираетъ всѣ приведенные во время спора аргументы и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчапія, обращаясь къ своему собесѣднику, произноситъ съ улыбкой: «Да, вы правы» («Подпольная Россія», 66—71 стр. Изд. «Свѣточа», 1906 г.).

Извѣстный европейскій критикъ Георгъ Брандесъ, лично хорошо знающій Кропоткина, написалъ прекрасное предисловіе къ «Запискамъ революціонера» и вотъ что онъ говоритъ о немъ: « въ этой автобіографіи видно, какъ сформировался замѣчательный умъ. Можно сравнить ее съ «Исповѣдью» святаго Августина, потому что книга является исторіей душевнаго кризиса, который соотвѣтствуетъ тому, что нѣкогда называлось «обращеніемъ». Дѣйствительно, этотъ кризисъ является поворотнымъ пунктомъ и сущностью всей книги. Въ настоящее время есть только два великихъ русскихъ, которые думаютъ для русскаго народа и мысль которыхъ принадлежитъ человѣчеству: Левъ Толстой и Петръ Кропоткинъ. Толстой намъ часто рассказывалъ въ художественной формѣ различные эпизоды своей жизни. Кропоткинъ даетъ намъ здѣсь, въ первый разъ не прибѣгая къ художественной переработкѣ беллетристическаго произведенія, бѣглый обзоръ всей своей дѣятельности.

«Хотя эти два человѣка радикально отличаются другъ отъ друга, но можно намѣтить параллель въ

ихъ жизни и въ ихъ пониманіи жизни. Толстой—художникъ, Кропоткинъ—ученый. Но въ жизни того и другого былъ моментъ, когда они не могли найти болыпе успокоенія въ работѣ, въ которую каждый изъ нихъ внесъ большія природныя дарованія. Толстого заставили свернуть съ пути, по которому онъ слѣдовалъ, религіозныя размышленія, а Кропоткина—размышленія соціальныя.

«Оба любятъ человѣчество и оба сурово осуждаютъ индифферентизмъ, недостатокъ мысли, грубость и жестокость высшихъ классовъ; обоихъ одинаково тянетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Оба видятъ въ мірѣ болыше трусости, чѣмъ глупости. Оба—идеалисты и оба имѣютъ темпераментъ реформаторовъ. Оба по натурѣ миролюбивые люди, и Кропоткинъ болѣе миролюбивый изъ двухъ, хотя Толстой проповѣдуетъ постоянный миръ и осуждаетъ прибѣгающихъ къ силѣ для защиты своихъ правъ, тогда какъ Кропоткинъ оправдываетъ ихъ и поддерживаетъ дружескія отношенія съ террористами. Болыше всего они расходятся въ одномъ пунктѣ—въ отношеніяхъ къ интеллигентному, образованному человѣку и къ наукѣ вообще. Толстой, въ своемъ религіозномъ пылу, презираетъ и обезцѣниваетъ и ученаго и науку; тогда какъ Кропоткинъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, хотя онъ въ то же время осуждаетъ ученыхъ, забывающихъ про народъ и страданія массъ.

«Многіе свершили великое дѣло, хотя и не жили великою жизнью. Многіе люди интересны, хотя жизнь ихъ, можетъ быть, ничтожна и банальна. Жизнь Кропоткина въ одно и то же время велика и интересна.

«Дѣтство автора, проведенное въ Москвѣ и деревнѣ, портреты матери и сестеръ, учителей, старыхъ, вѣрныхъ слугъ, многочисленныя картины патріархальной жизни,—все это такъ хорошо описано, что тронетъ сердце всѣхъ. Картины природы, рассказъ о необычайно сильной любви между двумя братьями,—все это чистѣйшая идиллія.

«Но рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, много слезъ и страданій: грубость семейной жизни, свирѣпое обращеніе съ крѣпостными, узость ума и жестокость сердецъ тѣхъ, которые правятъ судьбами людей.

«Есть также разнообразіе и есть драматическія катастрофы: жизнь придворная и жизнь въ тюрьмѣ, жизнь въ высшихъ кругахъ русскаго общества, близъ императоровъ и великихъ князей, и жизнь въ бѣдности, среди пролетаріата, въ Лондонѣ и въ Швейцаріи.

«Тутъ встрѣчается переодѣваніе, какъ въ драмѣ; главное дѣйствующее лицо днемъ является въ изящномъ костюмѣ въ Зимній дворецъ, а вечеромъ въ крестьянскомъ полушубкѣ отправляется въ предместья, чтобы тамъ проповѣдывать среди крестьянъ революцію. Есть также сенсационный элементъ, принадлежащій роману. Хотя трудно себѣ представить что-нибудь болѣе простое, чѣмъ тонъ и стиль Крпоткина, въ рассказѣ есть, однако, мѣста, которыя по самой природѣ излагаемыхъ событій гораздо больше захватываютъ, чѣмъ все, что мы находимъ въ романахъ, написанныхъ единственно съ сенсационной цѣлью. Есть ли что болѣе захватывающее, чѣмъ рассказъ о приготовленіяхъ къ побѣгу изъ госпиталя и смѣлое выполненіе плана?

«Не многіе знали, какъ Крпоткинъ, всѣ слои общества, потому что жилъ въ нихъ.

«Какія картины! Вотъ Кропоткинъ въ дѣтствѣ: завитой, въ маскарадномъ костюмѣ онъ стоитъ возлѣ Николая I; вотъ онъ пажъ, бѣгущій за Александромъ II, чтобы защитить его отъ опасности; вотъ онъ въ страшной тюрьмѣ, гдѣ спроваживаетъ великаго князя Николая Николаевича и гдѣ слышитъ изъ дня въ день все болѣе безумныя слова крестьянина, сидящаго въ камерѣ подъ нимъ и мало-помалу сходящаго съ ума.

«Онъ велъ жизнь аристократа и работника; онъ былъ камеръ-пажемъ императора и былъ очень бѣднымъ писателемъ; онъ былъ студентомъ, офицеромъ, ученымъ, изслѣдователемъ неизвѣстныхъ странъ, администраторомъ и революціонеромъ. Въ изгнаніи ему приходилось часто жить, какъ русскому крестьянину, чаемъ и хлѣбомъ; за нимъ шпионовали и его пытались убить, какъ русскаго императора.

«Не многіе пережили такъ много. Точно такъ, какъ геологъ, Кропоткинъ можетъ обнять доисторическую эволюцію въ теченіе тысячи вѣковъ: онъ можетъ также дать себѣ отчетъ въ исторической эволюціи его собственной эпохи. Къ литературному и научному образованію, пріобрѣтаемому въ университетѣ и рабочемъ кабинетѣ, т.-е. къ знанію языковъ, изящной литературы, философіи и высшей математики, Кропоткинъ съ раннихъ лѣтъ прибавилъ знанія, пріобрѣтаемыя въ мастерской, въ лабораторіи и въ полѣ, т.-е. естественныя и военныя науки, фортификацію, тайну механическихъ и промышленныхъ производствъ. Знанія его универсальны.

«Какъ долженъ былъ страдать этотъ дѣятельный умъ въ вынужденномъ бездѣйствіи въ тюрьмѣ.

«Какая школа терпѣнія и стоицизма. Въ одномъ

мѣстѣ Кропоткинъ говоритъ, что фундаментомъ во всякой организаціи должна быть высоко развитая нравственная личность. Это приложимо къ нему самому. Жизнь сдѣлала его однимъ изъ краеугольных камней зданія будущаго.

«Кризисъ въ жизни Кропоткина заключаетъ два момента, которые слѣдуетъ отмѣтить.

«Онъ приближается къ тридцати годамъ, къ рѣшительному возрасту жизни человѣка.

«Душой и сердцемъ онъ человѣкъ науки; онъ сдѣлалъ цѣнное научное открытіе. Онъ нашелъ, что карты сѣверной Азіи невѣрны; что не только прежнія представленія о географіи Азіи ложны, но что и теоріи Гумбольдта расходятся съ фактами. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ погружается въ тщательныя изысканія. Разъ какъ молнія сверкнуло передъ нимъ истинное значеніе фактовъ. Онъ понялъ, что главныя линіи строенія Азіи идутъ не съ сѣвера на югъ, но съ запада на востокъ. Онъ провѣряетъ свое открытіе, прилагаетъ ко множеству отдѣльных фактовъ, и всѣми оно подтверждается. Такимъ образомъ онъ познаетъ, въ наиболѣе благородной и чистой формѣ, радость научнаго открытія и постигаетъ, какъ оно возвышаетъ душу.

«Тогда наступаетъ кризисъ. Мысль о томъ, что эту радость могутъ испытывать лишь очень немногіе, мучаетъ его. Онъ задаетъ себѣ вопросъ, имѣетъ ли онъ право самъ одинъ наслаждаться знаніемъ. Онъ чувствуетъ, что есть высшій долгъ, что нужно скорѣе понести массамъ прибрѣтенныя уже знанія, чѣмъ работать надъ новыми открытіями.

«Эта основная идея характеризуетъ Кропоткина. Въ ней онъ высказывается весь.